

Н.Н. Трошин

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ АРМИИ В 1812 г.

Расходы Военного министерства в 1812 г. составили 160,8 млн руб., увеличившись по сравнению, например, с 1803 г. в 4,67 раза. Но за счет чего произошел этот рост? Является ли он отражением изменений в численности армии или произошел исключительно из-за повышения цен на фураж, продовольствие и прочие военные потребности? Ответить на этот вопрос не так-то просто.

Если о ценах, по крайней мере хлебных, нам еще более-менее известно, то вопрос о численности русской армии никогда не был предметом широкой научной дискуссии. Вероятно, поэтому в отечественной литературе до сих пор нет общепризнанной цифры. Зато практически каждый автор, берущийся за описание Отечественной войны 1812 года, приводит собственные данные о количестве войск, которыми располагала Россия к началу кампании.

Первый труд по истории этой войны опубликовал в 1823–1824 гг. Д. П. Бутурлин, писавший, что на 1 января 1812 г. «все сухопутные силы Российской Империи состояли из 517 682 человек регулярных войск»¹. В это число, помимо полевых войск и гвардии, он включил учебные, инженерные (пионеры) и гарнизонные войска, а также резервную артиллерию. В 1839 г. свое «Описание Отечественной войны 1812 года» издает А. И. Михайловский-Данилевский, который высчитал, что «к марту 1812-го года регулярную военную силу России составляли ... 590 973 человека»².

Чем объяснить столь существенную разницу (более 14%), притом что оба автора исходили из штатной численности войск, а количество полков и батальонов приводили в целом одинаковое, за двумя исключениями. С одной стороны, Д. П. Бутурлин не называет число артиллерийских бригад в 1812 г., с другой – А. И. Михайловский-Данилевский включает в расчет четыре морских полка, которые на начало 1812 г. все еще числились по морскому ведомству.

Д. П. Журавский, первый и фактически единственный, кто пытался критически подойти к определению численности русской армии в «эпоху 1812 года», сделал по этому поводу следующие предположения. Бутурлин, по его мнению, в своих расчетах исходил из численности полков в мирное время, тогда как они давно уже были переведены на штаты военного времени. «Сверх того, – продолжает Д. П. Журавский, – в составе одного батальона здесь, может быть, показаны одни строевые чины»³.

В самом деле, Д. П. Бутурлин считал в каждом пехотном армейском батальоне по 738 человек⁴. Следовательно, полк 3-батальонного состава должен был насчитывать 2 214 человек. Между тем штатами численность пехотного полка была определена в 2 160 человек для мирного времени и 2 451 человек для военного. При этом нестроевых в каждом полку полагалось 232 человека по штатам мирного и 235 человек по штатам военного времени⁵. Исходя из этого, получается, что формально Д. П. Бутурлин учитывал численность все же по военному времени, но действительно без учета нестроевых чинов*. В результате численность пехоты, считая здесь и егерей, была занижена им как минимум на 40 тыс. человек.

Несколько слов следует сказать и о расчете численности кавалерии. Д. П. Бутурлин полагал, что в одном армейском эскадроне был 151 человек⁶. Но чтобы получить это число надо из штата кавалерийского полка исключить не только всех нестроевых чинов, но даже часть строевых. Так, например, в армейском драгунском эскадроне должно было состоять строевых чинов: семь обер-офицеров, 15 унтер-офицеров (в том числе один пеший), 148 рядовых (из них 20 пеших) и три трубача⁷. Всего, следовательно, 173 человека, однако за вычетом пеших чинов действительно получим около 150 человек. За счет этого общая численность кавалерии была занижена Д. П. Бутурлиным примерно на 8 тыс. человек, а с учетом нестроевых – на 17 тыс. человек.

Теперь, если перемножить вышеупомянутую численность одного батальона и эскадрона на их общее количество к началу 1812 г., составлявшее, по сведениям Д. П. Бутурлина, 498 батальонов и 409 эскадронов⁸, то получим, что в пехоте и кавалерии в сумме должно было насчитываться около 430 тыс. человек. Между тем сложение приводимой Д. П. Бутурлиным численности отдельных армий и соединений, по которым были распределены пехотные и кавалерийские полки и артиллерийские бригады, дает в сумме 437 197 человек.

* Если из 2 451 (штатная численность в военное время) отнять 235 (число нестроевых по штатам военного времени), получим 2 216 человек. Что и дает численность одного батальона, округляя, в 738 человек.

Таким образом получается, что на долю артиллерии оставалось около 7 тыс. человек. Такого, разумеется, быть не могло. Сам же Д. П. Бутурлин утверждал, что еще в 1810 г. насчитывалось 25 артиллерийских бригад, из которых в 16 было по шесть рот, в семи – по пять и в двух – по четыре роты. Итого 139 рот численностью от 240 до 250 человек⁹. Всего, следовательно, от 33 360 до 34 750 человек, не считая гвардейской артиллерии. Получается, что и здесь у Д. П. Бутурлина недостает (вместе с нестроевыми) порядка 35 тыс. человек.

На первый взгляд А. И. Михайловский-Данилевский учел ошибки предшественника, взяв численность тяжелой пехоты по штатам военного времени и включив в расчет нестроевых чинов. Правда, за вычетом денщиков. Между тем в каждом полку линейной пехоты их полагалось 94 человека, что составляло более 10 тыс. человек на 14 гренадерских и 96 пехотных полков, которые имелись в армии к началу 1812 г. Еще около 4,2 тыс. денщиков должно было быть в армейской кавалерии.

Но основные возражения вызывает численность одного егерского полка, которую А. И. Михайловский-Данилевский почему-то принял за 1 511 человек, т.е. в соответствии со штатами 1802 г., согласно которым в каждом полку легкой пехоты должно было быть 1 584 человека, в том числе 73 денщика. Однако в действительности уже с августа 1806 г. егерские полки в соответствии с указом Александра I должны были формироваться по штатам линейной пехоты военного времени¹⁰ и к началу 1812 г. по своей численности фактически не отличались от них. В результате А. И. Михайловский-Данилевский недосчитался более 40 тыс. человек.

Упомянувшийся выше Д. П. Журавский находил цифры, сообщаемые Д. П. Бутурлиным и А. И. Михайловским-Данилевским, недостаточными и полагал, что «справедливость требует... оценить надлежащим образом» численность войск, употребленных в 1812 г. для отражения неприятеля. «Из приведенных нами исчислений, – писал он, – основанных на последовательных указах и штатах формирования войск, общее число их перед открытием кампании должно было простираться до 1 000 000 человек»¹¹. Сюда он включил численность гвардии, полевой армии, гарнизонных войск, рекрутских депо, а также иррегулярных частей.

К сожалению, эта единственная в своем роде работа по неизвестным причинам не была опубликована при жизни автора. Она увидела свет лишь в конце 1859 г., уже после выхода «Истории Отечественной войны 1812 года» М. И. Богдановича, и на этом фоне осталась практически незамеченной ни современниками, ни историками.

Между тем, несмотря на заявленную критику своих предшественников, которым, как пишет М. И. Богданович, были неизвестны «многие из любопытнейших документов войны 1812 года»¹², ему не удалось избежать их ошибок при определении численности русской армии. Более того, в каком-то смысле М. И. Богданович сделал шаг назад.

Если А. И. Михайловский-Данилевский приводил не только количество полков, но и численность каждого, что делало расчет общего количества войск достаточно прозрачным, то у М. И. Богдановича подсчет батальонов с эскадронами и определение численности армии никак не связаны друг с другом. Так, например, он учитывал число учебных гренадерских батальонов при определении общего количества батальонов и эскадронов в составе русской армии, но при этом исключал учебные войска из расчета ее численности. Впрочем, это не мешало М. И. Богдановичу уже на следующей странице вычитать учебные войска из общей численности армии, чтобы получить количество войск, сосредоточенных к началу Отечественной войны 1812 года на западных границах России¹³.

Отсюда напрашивается вывод, что М. И. Богданович не особенно утруждал себя сложными вычислениями. В самом деле, сложив приводимые А. И. Михайловским-Данилевским данные о численности войск в пехоте, кавалерии, артиллерии (включая сюда и пионерные полки), получим 482 472 человека. М. И. Богданович просто округлил эту цифру, определив таким образом штатную численность регулярной армии «по состоянию на 11 июня 1812 г.» в размере до 480 тыс. человек¹⁴.

Вместе с тем, помимо занижения числа егерей, о чем говорилось выше, из расчета оказались исключены не только учебные, но и гарнизонные войска, численность которых составляла до 70 тыс. человек. С таким подходом едва ли можно согласиться.

Даже если гарнизонные батальоны и инвалидные команды не принимали непосредственного участия в боевых действиях, они внесли свой заметный вклад в победу русского оружия в 1812 г. Так, те же подвижные инвалидные роты были приданы армейским корпусам и наряду с нестроевыми нижними чинами выполняли обязанности санитаров, а гарнизонные батальоны послужили ближайшим резервом обученных кадров для действующей армии.

Тем не менее число 480 тыс. человек, так же как и исключение из расчета гарнизонных войск, стали с тех пор своего рода каноном для всех пишущих на тему Отечественной войны 1812 года. Только в советское время в эту схему была внесена своего рода модернизация. Помимо регулярной армии, отечественные историки стали учитывать в общей численности войск, которыми располагало русское командование к началу 1812 г., иррегулярные части.

При этом в расчет принималось общее число всех способных к несению службы казаков и представителей национальных окраин (башкир, мещеряков, калмыков и др.).

В результате, добавив к каноническим 480 тыс. человек регулярной армии 117 тыс. человек иррегулярной кавалерии, Л. Г. Бескровный получил новые данные – 597 тыс. человек, которые и были опубликованы им в юбилейном 1962 г. издании «Отечественная война 1812 года»¹⁵.

Но если учет иррегулярной кавалерии приводил к известному завышению общей численности армии, то количество регулярных войск продолжало занижаться. Не обошлось и без некоторых нестыковок. Так, Л. Г. Бескровный писал, что регулярная армия включала в себя гвардию в количестве 20 тыс. человек, а также полевые и гарнизонные войска общим числом 460 тыс. человек. Упоминание в данном контексте гарнизонных войск лишний раз свидетельствует, что их исключение М. И. Богдановичем из расчета было едва ли оправдано. Однако из этого вовсе не следует, что сам Л. Г. Бескровный учел гарнизонные войска при подсчете численности русской армии.

Приведенные выше данные находятся на с. 193 упомянутой книги Л. Г. Бескровного. Между тем на с. 184 он сообщал, что «общая численность пехоты в гвардии была установлена в 15 тыс., а полевых войск 390 тысяч»¹⁶. Далее, на с. 187 Л. Г. Бескровный писал, что «штатная численность кавалерии составила в гвардии 5 665 человек, в полевых войсках 70 500 человек»¹⁷. И наконец, на с. 191 он заключал, что «личный состав всей артиллерии состоял из 40 тысяч»¹⁸.

Как видим, здесь нет ни слова про гарнизонные войска. Более того, если сложить все названные цифры, то получится 521 тыс. человек, что на 41 тыс. больше, чем заявленная на с. 193 итоговая численность регулярной армии. Таким образом, чтобы уложиться в канонические 480 тыс. человек Л. Г. Бескровный вынужден был фактически исключить из расчета уже не только гарнизонные войска, но и всю артиллерию, которая, по его словам, как раз и насчитывала около 40 тыс. человек.

Однако проблемы с арифметикой на этом не закончились. Десять лет спустя в новой книге под названием «Русская армия и флот в XIX веке» Л. Г. Бескровный написал, что «к началу Отечественной войны 1812 г. русская полевая армия насчитывала 362 200 чел. пехоты, 86 920 чел. кавалерии, 52 500 чел. артиллерии, 75 тыс. чел. гарнизонных войск и до 120 тыс. иррегулярных войск – всего 597 тыс. чел.»¹⁹.

С одной стороны, здесь вроде бы дана та же обшая численность русской армии, которую он уже приводил в 1962 г. С другой – если кому-нибудь захочется поупражняться в сложении, то он получит в итоге 696,5 тыс. чело-

век. К тому же полевая армия, как всем хорошо известно, не включает гвардию, насчитывавшую, по словам самого Л. Г. Бескровного, не менее 20 тыс. человек. В результате общая численность сухопутных войск должна была бы составлять 716,5 тыс. человек. Тем не менее Л. Г. Бескровный продолжал и дальше использовать численность в 597 тыс. человек.

Обратимся теперь к современной историографии вопроса. В 2014 г. была издана статья под весьма примечательным названием «Военно-демографическая политика России в эпоху наполеоновских войн»²⁰. Ее автор Э. А. Цеглеев предпринял попытку реанимировать цифру в 480 тыс. человек.

Начинает он с утверждения, что «к концу 1811 г. численность русской армии составляла около 450 тысяч человек». Ссылка на источник при этом отсутствует. Далее, продолжает Э. А. Цеглеев, 81-й рекрутский набор, который проводился по указу Александра I от 16 сентября 1811 г., дал 120 тыс. человек, из которых «в депо, где формировались резервы, поступило 84 996 человек». Остальные были направлены на доукомплектование армии. Ссылка опять же отсутствует. Не окончился еще 81-й набор, пишет далее Э. А. Цеглеев, как в апреле 1812 г. был объявлен новый, 82-й набор, в ходе которого предполагалось собрать 70 тыс. человек, из которых 23 888 человека должны были пойти на формирование 12 номерных полков. Куда были направлены остальные рекруты, не упоминается. Да это, похоже, и не особо заботит автора, тут же формулирующего вывод: «к середине июня 1812 г. численность русской армии составляла 480 тысяч человек».

Каким образом, исходя из приведенных данных, 450 тыс. человек превратились в 480 тыс. сказать довольно трудно. Можно лишь предположить, что к исходному числу автор прибавил тех рекрут, собранных по 81-му набору, которые пошли на доукомплектование армии. Но их количество, округляя, составило 35 тыс. человек. Следовательно, в итоге должно было получиться 485 тыс. человек, которые по правилам можно было бы округлить до 490 тыс., но никак не до 480 тыс. Но даже такие вычисления имеют смысл только в том случае, если бы Э. А. Цеглеев исходил из списочной численности армии, но в статье на это нет никаких указаний.

Между тем все большей популярностью в современной историографии пользуется численность в 620 тыс. человек. Так, в энциклопедии «Отечественная война 1812 года» в статье «Российская армия» указывается, что «в начале 1812 г. общая численность российской армии составляла 622 тыс. чел., в т.ч. 380 тыс. чел. пехоты, 80 тыс. чел. кавалерии, 52 тыс. чел. артиллерии и инженерных войск, 110 тыс. чел. иррегулярных войск»²¹. Эта же численность приведена на сайте Министерства обороны РФ, ее также использует В. М. Безотосный, округлив до 620 тыс.²²

Правда, он почему-то полагает, что это численность вооруженных сил России. В действительности понятие «вооруженные силы» включает в себя, помимо сухопутной армии, еще и военно-морской флот, о численности которого в данном случае речь не идет. Впрочем, такую же ошибку допускают и сотрудники Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, подготовившие статью «Русская армия накануне Отечественной войны 1812 г.» для Военной энциклопедии, размещенной на официальном сайте Министерства обороны²³.

Но дело в данном случае не в этом, а в практически полном отсутствии каких-либо ссылок на первоисточник. Их нет ни у В.М. Безотосного, ни в Военной энциклопедии на сайте Министерства обороны. В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» к упомянутой статье о российской армии список литературы, впрочем, прилагается. Однако состоит он всего из пяти наименований, подобранных, надо сказать, весьма своеобразно, и ни в одном из них нет даже намека на вышеназванную численность.

Таблица 1

Численность русской армии на 1 января 1812 г. (в тыс. человек)

Состав армии	Кол-во полков	По штату положено	По спискам состоит
Пехота	166	410	381
Регулярная кавалерия	66	83	79
Полевая артиллерия		46	43
Инженерные войска		10	9
Казачьи и иррегулярные войска*			110
<i>Всего в полевых войсках</i>			622
Гарнизонные войска и внутренняя стража		91	77
Артиллерийские гарнизоны, парки, арсеналы		22	21
Всего в сухопутных войсках		772**	720

* Иррегулярные войска не имели штатной численности.

** С учетом казаков и иррегулярных войск.

Трудно объяснить этот «заговор молчания», хотя не составляет большого труда выяснить, что впервые она появилась в статье С. В. Шведова «Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году», которая

была опубликована еще в 1987 г. к 175-летию Отечественной войны 1812 года. В ней С. В. Шведов, в частности, писал: «... в целом, общая численность полевых войск России к началу 1812 г. ... с учетом казаков достигла 622 тыс. человек по списку»²⁴. При этом он отсылал к таблице, часть которой не лишне будет здесь воспроизвести (см. табл. 1).

Как видим, в таблице приведены сведения как о штатной, так и о списочной численности русской армии. С. В. Шведов использовал в своей работе данные о списочной численности. С точки зрения той задачи, которую он поставил перед собой – определить потери русской армии в 1812 г., такой выбор выглядит вполне логичным. Однако не поддается совершенно никакому объяснению, почему все остальные авторы вслед за С. В. Шведовым стали оперировать сведениями о списочной численности? Более того, почему отказавшись от штатной численности, они нигде не оговаривают, что ими приводится списочная численность войск?

Между тем это принципиальный вопрос. По умолчанию в литературе предпочтение отдается именно штатной численности, тем более что данные о ней, как правило, более доступны исследователям. Этой традиции придерживалась и отечественная историография, что позволяло сравнивать данные не только разных авторов, но и сведения о различных армиях. Переход к списочной численности, тем более без всякой оговорки, делает любые сравнения бессмысленными.

Кроме того, как указал С. В. Шведов в примечаниях к таблице, в ней не показаны морские полки. При этом, следуя сложившейся практике, он исключил из расчета общей численности русской армии внутреннюю стражу вместе гарнизонными войсками и арсеналами. Тем не менее в названных энциклопедических статьях приводятся сведения как о числе морских полков, так и о количестве гарнизонных батальонов. При этом опять-таки нигде не оговаривается, что в итоговые 622 тыс. человек ни те, ни другие не включены, что еще больше усиливает путаницу.

Возвращаясь к основам, которые были заложены в работах Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского и их первого критика Д. П. Журавского, и опираясь на опубликованные С. В. Шведовым сведения, следует признать, что штатная численность русской регулярной армии (включая нестроевых и в том числе денщиков) составляла на 1 января 1812 г. 662 тыс. человек. Еще 110 тыс. человек насчитывалось в иррегулярных войсках. Всего, следовательно, 772 тыс. человек. Такие же данные содержались и в документах Провиантского ведомства, которое предполагало в 1812 г. осуществлять заготовки продовольствия на 770 тыс. человек²⁵.

Следует иметь в виду, что расчеты Провиантского департамента имели свои особенности. Во-первых, в них не включались генералы, штаб-и обер-офицеры, получавшие от казны только жалование. Во-вторых учитывались воспитанники военно-сиротских заведений и ряд других команд, не распределенных по частям армии. Наконец, в-третьих, иррегулярные войска принимались в расчет лишь в части действительно призванных на службу, тогда как остальные считались находящимися «на льготе» и расходов на их содержание Военное министерство не несло.

Штатная численность офицерского корпуса к началу 1812 г. достигала 23 тыс. человек, а численность воспитанников Военно-сиротского дома и его отделений – 38 866 человек²⁶. Впрочем, из них 4 300 воспитанников было зачислено в течение 1812 г. на военную службу. Что касается иррегулярных войск, то в 1803 г. из 100 934 человек, значившихся по табели, на довольствии Провиантского ведомства состояло только 40 634 человека²⁷. Однако уже к концу 1809 г. численность находящихся на действительной службе казачьих и других иррегулярных войск возросла до 99 276 человек²⁸. Притом что общее количество иррегулярных войск, отражавшееся в табели о состоянии сухопутных войск, увеличилось всего до 110 тыс. человек.

Учтя, таким образом, особенности провиантских исчислений, получим численность регулярной армии к началу 1812 г. в 655 тыс. человек, что всего на 1% отличается от показанных в таблице 662 тыс. человек.

К этому надо добавить численность резервных армий, созданных к началу Отечественной войны 1812 года. Еще в сентябре 1811 г. рекрутские депо получили армейскую организацию²⁹, а уже 14 марта 1812 г. Александр I повелел составить из 123 резервных батальонов рекрутских депо 1-й линии 10 пехотных дивизий, а из 58 резервных эскадронов тех же рекрутских депо четыре кавалерийские дивизии. Днем ранее из артиллерийских рекрутских депо было поручено сформировать три батарейные, 14 легких и семь конных рот, которые должны были войти в состав четырех запасных артиллерийских бригад³⁰.

Удивительно, но отечественные историки, даже признавая наличие этих резервов, упорно отказываются включать их в общую численность русской армии. Обычно в качестве оправдания этого выдвигается утверждение, что все эти части выступили в поход уже после вторжения французов. Что, между прочим, никак не опровергает их наличия к началу войны. Значительно важнее, что часть резервов к этому моменту поступила на укомплектование действующих армий (в том числе в 1-ю армию – 17 батальонов и во 2-ю – 10), а значит, фактически уже была учтена в расчетах.

Как уже было сказано раньше, всего по 81-му рекрутскому набору, который закончился в январе 1812 г., поступило до 120 тыс. человек. В состав

рекрутских депо 1-й линии было зачислено 84 996 человек, большая часть которых вошла в состав вышеупомянутых дивизий. Остальные, по всей видимости, были направлены на укомплектование рекрутских депо 2-й линии и использовались уже после начала боевых действий. В частности, на основании указа от 27 июня (9 июля) 1812 г. они выделили 11 678 рекрут на составление шести номерных пехотных полков³¹.

В марте же 1812 г. для «поддержания в комплекте, как действующих, так и резервных войск» был объявлен новый, 82-й набор, который предполагалось завершить до 1 (12) июня 1812 г. Поскольку из ожидавшихся 65–70 тыс. рекрут около 24 тыс. человек предполагалось направить во вновь формируемые полки (восемь пехотных и четыре егерских), то оставшиеся, по всей видимости, предназначались для доукомплектования уже собранных войск.

Как известно, сформированные из рекрутов 82-го набора полки присоединились к действующей армии уже после Бородинского сражения. Вероятно, что и остальные рекруты по этому набору начали поступать в войска около того же времени. Исходя из этого, можно согласиться, что к тому моменту, когда французская армия 12 (24) июня 1812 г. форсировала Неман, численность отобюрозованных резервов не превышала 100 тыс. человек (с учетом 27 резервных батальонов, направленных на укомплектование действовавших армий). Всего, следовательно, к началу Отечественной войны 1812 г. русская армия насчитывала 870 тыс. человек.

Но и в ходе Отечественной войны 1812 года численность войск продолжала увеличиваться. К концу 1812 г., как утверждалось в юбилейном издании «Столетие Военного министерства», она была доведена до 975 тыс. человек, в том числе действующих – 815 тыс. человек, гарнизонных – 60 тыс. человек и иррегулярных – около 100 тыс. человек³². Продовольственный департамент в своих расчетах на 1813 г. исходил из численности армии по полному комплекту в 979 тыс. человек³³. Таким образом, средняя численность русской армии в 1812 г. составила 873 тыс. человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823. Ч. I. С. 89.

² Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. I. С. 123

³ Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб., 1859. С. 172–173.

⁴ Бутурлин Д. П. Указ. соч. С. 81.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I: 1649–1825. СПб., 1830 (далее ПСЗРИ). Т. XLIII. Ч. 2: Книга штатов. С. 278–281.

⁶ Бутурлин Д. П. Указ. соч. С. 81.

⁷ Рогожан Н. А. Драгунские полки русской армии в 1812 году: Организация, униформа, боевое применение. М., 2001. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Rogozan_00.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

⁸ Бутурлин Д. П. Указ. соч. С. 85.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ ПСЗРИ. Т. XXIX. С. 693.

¹¹ Журавский Д. П. Указ. соч. С. 181.

¹² Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. I. С. III.

¹³ Богданович М. И. Указ. соч. С. 58–60.

¹⁴ Там же. С. 59.

¹⁵ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 193.

¹⁶ Там же. С. 184.

¹⁷ Там же. С. 187.

¹⁸ Там же. С. 191.

¹⁹ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1972. С. 14.

²⁰ Цеглеев Э. А. Военно-демографическая политика России в эпоху наполеоновских войн // Политика, государство и право. 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/03/1462> (дата обращения: 17.06.2015).

²¹ Российская армия // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 622–623.

²² Безотосный В. М. Наполеоновские войны. М., 2010. С. 131.

²³ Русская армия накануне Отечественной войны 1812 г. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11052905@cmsArticle> (дата обращения: 04.08.2015).

²⁴ Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году (К 175-летию Отечественной войны 1812 г.) // История СССР. 1987. №4. С. 123.

²⁵ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. Пг., 1915. Вып. 15. С. 178.

²⁶ Столетие Военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902. Т. IV: Гл. штаб, ч. I: Ист. очерк. Кн. I, отд. II: Комплектование войск в царствование императора Александра I. С. 204.

²⁷ Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. V: Гл. интендантское управление: Ист. очерк. Ч. I: Введение и царствование императора Александра I. СПб., 1903. С. 82.

²⁸ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. III. С. 496–497.

²⁹ ПСЗРИ. Т. XXXI. С. 835.

³⁰ Там же. Т. XXXII. С. 231–232, 229.

³¹ Столетие Военного министерства... Т. IV, ч. I. Кн. I, отд. II. С. 51–52.

³² Там же Т. I: Ист. очерк развития воен. управления в России. СПб., 1902. С. 203.

³³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1890. Вып. 3. С. 481.